

Ольга Селиванова

МАРИЯ ЛЬВОВНА ТОЛМАЧЕВА: НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ

Предлагаемые к публикации воспоминания М. Л. Толмачевой (1867–1942) сохранились в архиве Показательной библиотеки по детскому чтению и до этого момента не появлялись в поле зрения научной общественности. Рукопись представляет собой ценный историко-биографический материал, содержащий интересные факты из детства самой писательницы, описывающий круг ее детского чтения и первый опыт писательства, открывающий неизвестные характеристики некоторых представителей литературной жизни Петербурга 1910-х гг. Введение в научный оборот таких материалов позволяет, с одной стороны, восполнить библиографию популярных в прошлом писателей, с другой — погрузиться в саморефлексию автора о творчестве, узнать о его восприятии критических замечаний, выяснить позицию критиков детской литературы, получить представление об ответственности писателя, погрузиться в атмосферу «редакторских сред» популярного в то время детского журнала «Тропинка». В воспоминаниях М. Л. Толмачевой даны живые портреты матери Блока, П. С. Соловьевой-Allegro, Н. И. Манасеиной.

Ключевые слова: М. Л. Толмачева, О. И. Капица, П. С. Соловьева-Allegro, Н. И. Манасеина, А. А. Кублицкая-Пиоттух, детская литература, детское чтение, детский писатель, детская периодика, журнал «Тропинка», критика детской литературы

О Марии Львовне Толмачевой (1867–1942), писавшей книги для детей и взрослых, сохранилось крайне мало сведений. Известно, что она родилась в Нижнем Новгороде в семье юриста. Свою литературную деятельность М. Л. Толмачева начала после 30 лет, ее

Ольга Владиславовна Селиванова

Государственный институт экономики, финансов, права и технологий,
Санкт-Петербург
ol.vl.sel@gmail.com

первый рассказ «Овечья купель» был опубликован в 1907 г. в журнале «Русская мысль», а самая популярная повесть «Как жила Тася» вышла в 1913 г. отдельным изданием. М. Л. Толмачева работала в дошкольных учреждениях, что не мешало ей печататься в журналах «Родник», «Всходы», «Вестник воспитания» и др. Была постоянной посетительницей сред, собираемых издателями детского журнала «Тропинка» [Писательницы России].

Тем ценнее становятся документы, способные не только добавить некоторые факты к биографии писателя, но и пролить свет на его литературный и творческий путь, особенно если документы написаны самим автором. В архиве Показательной библиотеки по детскому чтению сохранилась рукописные воспоминания М. Л. Толмачевой о детстве, о развитии воображения и стремлении к писательству, о ее литературном окружении в Петербурге и т. д. Рукопись содержится на тетрадных листах, написана синими чернилами, орфография новая; начало, несколько листов в середине и окончание отсутствуют; пагинация постраничная, нумерация расположена сверху страницы посередине.

Предположительно рукопись попала в библиотеку благодаря Ольге Иеронимовне Капице. Во-первых, О. И. Капица и М. Л. Толмачева были хорошо знакомы. Об это можно судить по дарственным надписям, которые М. Л. Толмачева оставила на своих книгах, выражая глубокое уважение О. И. Капице. Например, из-под ее пера вышло одно из переложений книги Д. Дефо «Жизнь и приключения Робинзона Крузо: в переработке для детей старшего возраста М. Толмачевой» (Пг., 1923). На титульном листе экземпляра, хранящегося в фундаментальной библиотеке РГПУ им. А. И. Герцена, имеется дарственная надпись: «*Ольге Иеронимовне Капице с робостью предлагаю прочесть эту книгу и с вниманием буду ждать ее мнения, которым очень дорожу. М. Толмачева. 16 июня 1923 г.*» [Селиванова 2019, 186]. М. Л. Толмачева передавала свои книги непосредственно в Показательную библиотеку, организованную в стенах Педагогического института дошкольного воспитания по инициативе и при деятельном участии О. И. Капицы. Так, на верхней сторонке мягкой обложки небольшой книжки-картинки для самых маленьких детей «Васин денек» ([Ленинград, 1925]), которую иллюстрировала Т. Н. Гиппиус, оставлена дарственная надпись: «*Милой моему сердцу детской библиотеке, автор. 14 янв[аря] 1925 г.*» [Селиванова 2023, 137].

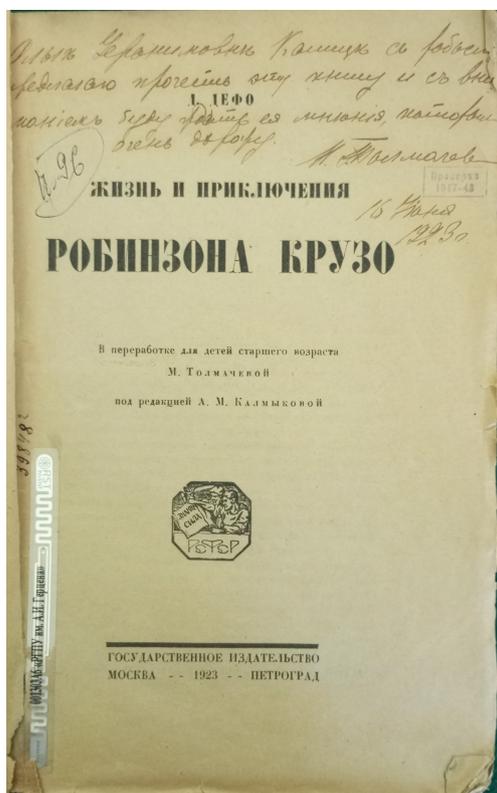

Рис. 1. Дефо Д. Жизнь и приключения Робинзона Крузо (1923)

Со своей стороны, О. И. Капица составила предисловие к книге М. Л. Толмачевой «Как Вася жил один в Петрограде: рассказ для детей» (М.; Пг., 1923). Буквально на двух страницах О. И. Капица посетовала на малое количество хороших детских книг, обозначила идеальный образ детского писателя, нарисованный В. Г. Белинским, и указала, что М. Л. Толмачева приближается к этому «высокому образу». О. И. Капица отметила также особо ценные стороны рассказа, заключающиеся в отражении бытовых черт современной городской жизни «в пределах детских наблюдений». В заключение О. И. Капица выразила пожелание, чтобы книга М. Л. Толмачевой «нашла свое место и в школе, и в детском саду, и в детской библиотеке, и в семье» [Капица 1923, 3–4].

Рис. 2. Толмачева М. Л. Васин денек (1925)

Во-вторых, обе женщины принадлежали к одному профессиональному сообществу, они были членами кружка детских писателей, организованного в стенах Показательной библиотеки¹. В архиве библиотеки сохранилось фото, на котором М. Л. Толмачева сидит второй слева во втором ряду, затем следуют С. Я. Маршак и О. И. Капица.

В-третьих, О. И. Капицу и М. Л. Толмачеву объединяла любовь к детской литературе и забота о детском чтении. Они были практически ровесницами и, несмотря на разные статусы в литературном сообществе (писатель и критик), входили в число единомышленников, объединенных таким феноменом, как литература для детей.

Приехав с семьей 1910 г. в Петербург, М. Л. Толмачева окупалась в литературную жизнь столицы, сотрудничала с различными

Рис. 3. Кружок детских писателей в Петрограде

детскими изданиями, регулярно посещала «редакторские среды» журнала «Тропинка», в котором неоднократно печаталась. Именно здесь М. Л. Толмачева подружилась с А. А. Кублицкой-Пиоттух, матерью А. Блока. Вот что рассказывает об этих средах М. А. Бекетова в воспоминаниях о своей сестре:

В эту зиму [1911 г.] она очень сошлась с Поликсеной Сергеевной Соловьевой, сестрой философа. Они видались каждую неделю на ее средах, где собирались с трех часов сотрудники издаваемого ею вместе с Н. И. Манасеиной детского журнала «Тропинка» и кое-кто из друзей и знакомых. Квартира была скромная, угощение тоже. Пили чай с вареньем и пряниками и проводили время в самой непринужденной беседе. Обаятельность хозяйки, ее открытый характер, детская веселость и живой ум сообщали этим сборищам оттенок милой интимности, простоты и самого приятного оживления [Бекетова 1925, 155].

Критики выделяли произведения М. Л. Толмачевой и рекомендовали ее книги для чтения, признавая недостатки языка и присутствие излишнего морализаторства. Например, среди рецензий, составленных на книги детских писателей членами библиотечной комиссии Общества содействия дошкольному воспитанию², сохранился отзыв на сборник рассказов «Мирные страницы». Отзыв

написан на обеих сторонах листа черными чернилами, почерк предположительно М. А. Бекетовой³:

Толмачевой. «Мирные страницы». Изд. Светина. Рассказы для маленьких детей. Цена 50 коп.

Хорошо изданная и недорогая по объему книжка (158 стр.). Крупная печать, мягкая обложка и недурные рисунки. В книге 13 небольших рассказов, расположенных по отделам: «Радость и слезы», «Олина жизнь», «Вася и его няня» и «Наши животные». Темы рассказов незатейливы, это все картинки из обиходной детской жизни, большое знакомство с которой и здоровая, спокойная атмосфера, которой проникнута книга, составляют ее главное достоинство. Темы: детские игры, болезни, шалости, случаи с животными — для детей интересны, но книга написана неровно. Есть рассказы совсем слабые, как например, первый «Плохой конец» из отдела «Радость и слезы», весь [нрзб.] искусственный и со странно притянутой моралью, а есть и совсем хорошие. При некоторых недостатках весь отдел «Олина жизнь» можно похвалить и одобрить: написано живо и занимательно, все чувства Оли очень понятны. Совсем не удался автору в [нрзб.] деле лавочный мальчик Степан: и речи его и чувства выдуманы и не похожи на правду. С одной стороны, великая добродетель совсем без жалости, с другой — нарочитая простота языка, а с третьей — мальчик знает слово «карамора». Но капризная хозяйка Марья Ивановна в тех же рассказах вышла совсем живая и настоящая. Интересны по содержанию рассказы «Птички», «Лягушечка», «Аралка», но написаны они слабее «Олиной жизни». Вообще разделы первый «Радость и слезы» и третий «Вася и его няня» слабее остальных. Общий недостаток книг г[оспо]жи Толмачевой — обилие уменьшительных слов: ручки, ножки, птички, кроватка и пр. — и какая-то неприятная нарочитость тона, от которой несвободны даже лучшие рассказы, поражают также уж слишком барские, господские точки зрения во всех рассказах. Кроме «Олиной жизни», тут трудовая среда, скудная обстановка и общечеловеческие точки зрения, облагораживающие жизнь настоящими, подлинными радостями и чувствами, а там уже слишком благополучно и светло. Чтобы не быть голословной, приведу содержание первого рассказа: две подруги, соседки по дачам вздумали устроить дом своих игрушек по секрету от старших в соседнем лесу. Все шло хорошо, пока не наступила сельская ярмарка. В день ее дети скучали дома, слушая до ночи, как народ поет песни «нехорошими голосами», а наутро нашли свой домик из мха и прутьиков разоренным, а кругом валялись апельсиновые корки и окурки. Девочки со слезами прибежали домой, поведали о своем горе. Одна из мам их приласкала и сказала длинное нравоучение, которое я приведу целиком из книги (стр. 16). В рассказе «Дождь и солнце» очень много поучение капризничающей девочки от добродетельной мамы (стр. 22, 23), а под

конец, когда девочка *повеселела*⁴, она даже отдала в трамвае только что купленный зеленый шар ребенку, который тянулся к нему, сидя на руках у простой женщины. И даже не жалела потом, что отдала, а только все улыбалась, вспоминая ребеночка. Все это довольно искусственно и слащаво. Но при всех недостатках надо признать, что книга г[оспож]и Толмачевой все же вполне приемлема, а за рассказы «Олина жизнь» и «Наши животные» она заслуживает даже рекомендации.

О. И. Капица также окончательно переехала в Петербург в 1910-е гг. Она энергично взялась за научное изучение детской литературы, участвуя в издании библиографического указателя, посвященного сказкам [Систематический указатель 1915]. Таким образом, к моменту своего знакомства (а это произошло, скорее всего, в 1920-е гг. как раз в кружке детских писателей) М. Л. Толмачева и О. И. Капица были признанными авторитетами в кругу людей, занимавшихся детской литературой.

Еще одним аргументом в пользу высказанного предположения становятся рукописные конспекты лекций по детской литературе, составленные О. И. Капицей. Как известно, после Октябрьского переворота О. И. Капицу пригласили в Педагогический институт дошкольного образования на должность профессора [Профессора 2002, 130–131]. В каждом курсе лекций для разных групп студентов обязательно высказывается мысль о необходимости изучения психологии детского чтения, а средством ее изучения избирается проведение анкетирования, а также сбор и анализ воспоминаний известных людей, в том числе заслуженных писателей, о своем детстве и о тех книгах, которые их окружали. Возможно, М. Л. Толмачева специально записала публикуемые воспоминания по просьбе О. И. Капицы, отразив в них детские впечатления о прочитанных книгах и рассказав о моментах, важных для детского писателя. Мы можем даже предположить, что эти воспоминания служили «живым» материалом, с которым на практических занятиях работали студенты, поскольку М. Л. Толмачева неоднократно упоминается в конспектах лекций как «специальный детский писатель последнего времени» или как представитель «реалистического направления», отразивший «героизм в рассказах для младшего возраста» и т. п.

Отрадно отметить возвращение имени М. Л. Толмачевой в круг чтения современных детей. Так, ее самая популярная повесть «Как жила Тася» была переиздана в 2014, 2018 и 2022 гг. и получает только самые положительные отзывы читателей.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Описание: тетрадные листы, текст с обеих сторон, чернила синие, орфография новая, нумерация каждой страницы, начало, несколько страниц в середине и концовка отсутствуют, сохранились стр. 5–12, 17–28.

Стр. 5.

...жизни были приблизительно одинаковы оба раза, то я не буду разделять эти поездки. Никакой няни с нами не было, и я должна была стать более самостоятельной. Не помню, каковы были условия езды по железным дорогам, но почему-то к ночи мы останавливались всегда в каком-нибудь попутном городе, ночевали в гостинице и только утром пускались дальше. И мне надо было упражнять свое терпение многократно.

Утром просыпалась я на огромной кровати с пологом. Мама обыкновенно спала тут же, головой в другую сторону. Нельзя было будить ее, это я знала твердо. И из какого-то чувства самосохранения, чтобы не скучать, я приучилась сама себе рассказывать сказки. И время шло незаметно. А то иногда на вокзале в ожидании поезда далеко уносило меня воображение. Забудешь, иной раз, все окружающее. Героиней всех моих вымыслов была я сама: все мои желания осуществлялись тут.

Стр. 6.

И сказка эта сопровождала меня многие годы, росла и развивалась со мной. Я так полюбила ее, что иногда, ложась спать, нарочно старалась не заснуть сразу, чтобы немножко «порассказывать». Эта привычка отразилась и на моих играх. Я любила кукол, но никогда не играла так, как играют другие девочки, разве что с какой-нибудь подругой: хождения в гости, наряды, кукольные обеды у меня отсутствовали. Одна — я брала куклу в руки и усаживалась в какой-нибудь спокойный уголок. Никто не подозревал, как ярко переживала я всякие приключения с этой куклой. Вернее, не приключения, а переживания. Например, мне подарили раз куклу нелюбимого мной типа: она изображала взрослую, была одета в синее шелковое платье и шляпу. Сперва я просто небрежно за-сунула ее в дальний угол, но потом вдруг живо вообразила себе, какую тоску должна испытать несчастная кукла, брошенная

Стр. 7.

среди чужих, не любимая никем и т. д. Жалобная история бы-ли мигом готова, кукла с почетом извлечена, и я почти со слезами старалась загладить свою вину. Вообще все мои выдумки были,

так сказать, психологического характера. Приключенческий колорит был довольно беден, и это прошло красной нитью через все мое дальнейшее творчество. Сказки никогда не были мне особенно близки.

Как я уже сказала, я совершенно не помню, какими путями шло мое обучение тех дней. Снова в помещицкой усадьбе вспоминаю я себя вполне грамотной восьмилеткой. Любимая моя книга «Родное слово» Ушинского, неисчерпаемый источник. То я читаю и перечитываю его страницы, то срисовываю рисунки, то потешаюсь загадками и стишками. А по вечерам читаю я матери вслух «Робинзона Крузо» в переложении Анненской. Вот шумно и весело играют братишки в столовой, но меня уж ждет мама в

Стр. 8.

отцовском кабинете. Я бегу туда через темную гостиную, робко покашываясь на чуть видные деревья, подступающие к окнам. Мама сидит на диване у стола с каким-то шитьем, я усаживаюсь напротив и откидываю на закладке нужную страницу толстого тома. Книга нравится мне чрезвычайно. С ясностью, оставшейся на всю жизнь, запомнила я все иллюстрации, все наиболее важные места так, что много лет спустя увидев эту книгу в руках моих собственных детей, мне показалось, что совсем недавно вышла она из моих. Днем я часто играла одна в Робинзона. Но опять-таки эта игра была «воображаемая». Помню, что стою я на лужайке, залитой солнцем. Трава мне по пояс, шелестит под руками. Я иду, и живо в воображении проносятся сцены, в которых уж я — главное лицо. Я — Робинзон, и это мой благоухающий остров, и вон оттуда, из гуши сада, непременно выбегут мои ручные козочки. Других

Стр. 9.

книг, сильно повлиявших на меня в эти годы, я не помню. Вероятно, жизнь, полная впечатлений, не давала много места для книг. Очень большое место в моей тогдашней жизни занимала красота природы. Заграничные поездки сильно развили способность воспринимать ее. И до этих дней живо сохранились у меня в памяти виды Альп, снеговых вершин их, серебряный блеск Женевского озера и незабываемый шум морских волн в Ницце. Помню восторг мой, когда раз на прогулке на горной тропе мы ранней весной набрали на целую заросль белых нарциссов. Они были так прекрасны, что часто в «сказке» я старалась снова пережить свою радость. Когда после заграничных поездок мы поселились в Ялте, море стало неистощимым поводом радости, любования. Всякой прогулке я предпочитала возможность побыть на его берегу, распластавшись,

как ящерица, полежать на горячем камне и, теряя сознание времени, опускала пальцы в прозрачную воду и наблюдала неуклюжий бег маленьких

Стр. 10.

крабов по дну.

Оседлая жизнь в Ялте ознаменовалась началом правильных занятий моих. Каждое утро мама усаживалась со мной к столу, и мы учились. Я уж писала довольно бойко, не помню, когда научилась этому, и одолевала таблицу умножения. Маму сменяла бонна-француженка, с которой я занималась тоже ежедневно. На сцене уж были красные с золотым томики «Розовой библиотеки», и некоторые из них очень занимали меня. Например, «Записки ослика» живо напомнили мне моих любимых сереньких ослов, на которых я с наслаждением каталась в Монтре. В память их был у меня и игрушечный ослик, и подогретая чувствительными страницами книги, я нежно любила игрушку и потихоньку от старших укладывала его спать с собой. К этому времени относится мой первый «печатный труд», хотя конечно он не заслуживает такого названия.

Я получала что-то много детских журналов.

Стр. 11

Два французских, потом «Игрушечку» и «Семью и школу», самый любимый мой журнал с превосходными повестями Анненской. Между прочим там был отдел разных заданий детям. И вот раз я нашла там картинку, изображающую девочку у открытого окна. А из клетки вылетает туда птичка. Журнал предлагал написать рассказ к этой картинке и обещал, что лучший будет напечатан.

— Попробуй, — сказала мама.

Придумать конечно ничего не стоило. Рассказ был написан, отослан, и в одном из следующих номеров журнала мама показала мне подпись:

«Маня Погодина, 9 лет, учусь дома».

Я прыгала и хохотала, картинку помню до сих пор, рассказ же конечно забыла. В эту пору вошли Майн Рид и Жюль Верн в мою жизнь. Первый не слишком занял меня, но Жюль Верн сразу сделался любимым. Я зачитывалась им просто до одури. Образ капитана Немо очаровал меня, мужество

Стр. 12.

благородство, самоотвержение героев этих книг оставляло глубокое и благотворное впечатление. Мне кажется, недостаточно оценивается именно воспитательное значение этого автора.

Впервые в моей жизни я имела в то время большое детское общество, была у меня и подруга по сердцу, подросли и братья. В саду мы устраивали оживленные игры, в которых эпизоды из книг Жюль Верна служили канвой.

Я поступила в 1-й класс гимназии, там мне было учиться очень легко, в сущности, я все уже знала, и вообще школа внесла очень мало нового в мою жизнь.

Из классиков я познакомилась только с «Детством и отрочеством»: по вечерам мама читала его нам вслух. Очарование этой вещи было большое, мне казалось, что это не книга, а близкие мои — и Николенька, и все его окружавшие. С Гоголем я познакомилась из уст отца, отличного чтеца. Сперва с «Вечерами на...» <...>

Стр. 17.

...в санатории и назвала я ее «Овчая купель». Никому не сказав, послала в свой любимый журнал — «Русскую мысль». Через недели 2–3 получила извещение, что рукопись принята. Это было большое торжество! Помню, что спать не могла от радости. С той минуты писанье стало важным делом моей жизни. Было это летом 1907 года. Вскоре я написала еще несколько коротеньких рассказов, напечатанных там же в 1908 году под названием «Отдельные страницы».

Но меня тянула к себе детская литература. Я близко знала жизнь детей, всегда любила их, любила собирать вокруг себя. Со многими товарищами моих детей я была в дружеских отношениях. Мне хотелось и писать для них. Первым написала рассказ «Милорд» и послала в «Тропинку», незадолго до этого начавшую свое существование. Рассказ был принят, и я вступила в заочное знакомство с редакторами журнала — Соловьевой и Манасеиной.

Стр. 18.

Кажется, это было зимой 1909 г. Это придало мне смелости, и я послала еще несколько рассказов в «Тропинку» и «Всходы». Ни одна рукопись не вернулась, все было принято. Это было и счастье, и несчастье. С одной стороны, я совершенно не избегла горечи неудач, но с другой — никто не указывал мне моих недостатков. Моя долгая незаметная работа «в подполье» с самой собой дала свои плоды: меня приняли как готового писателя.

Тут совершилось наше возвращение в Петербург в 1910 г. Оно было очень важно для меня, но еще лучше, если бы оно произошло раньше. Первый же свежий рассказ свой я понесла сама в «Тропинку», куда уж имела приглашение побывать в одну из «сред».

По средам от 2-5 ч. собирались у самовара сотрудники журнала. С острым любопытством, которое было у меня всегда к людям, отправилась я к ним. Собственно, к Поликсене Сергеевне,

Стр. 19.

сестре известного философа Соловьева. Жила она бок о бок, то есть двери квартир были на одной площадке лестницы, со своей задушевной приятельницей и соредактором журнала Натальей Ивановной Манасеиной. В Поликсене Сергеевне я сразу почувствовала недюжинного человека. Начиная с внешности, все в ней было оригинально. Полуседые волосы были подстрижены по-мужски, одежда, тоже близкая к мужской, была строга и изящна, крупные черты лица, зоркие глаза под черными бровями смотрели прямо и твердо, и низкий голос напоминал звук виолончели. У нее была своеобразная манера говорить, громкий внезапный хохот — «соловьевский», как говорили. Я даже не знала сразу, понравилась она мне или нет, но хотелось не спускать с нее глаз, как с книги, в которой не можешь сразу разобраться. Манасеина показалась мне проще и понятнее. Красивая дама, хорошо одетая, с мягкими, приятными манерами — их-то я видала не раз.

Стр. 20.

В конце концов оказалось, что я не так уж далека от истины.

У самовара было уютно и просто, но в то же время как-то подобрано, потому что неведомым путем чувствовалось, что никакая пошлость не переступит этого порога. Понемногу приглядывалась я и к гостям. Массивный Каррик, писатель и художник, видимо свой человек здесь. Ольга Дмитриевна Форш, с которой я уж была хорошо знакома, всегда интересная, умело и своеобразно рассказывающая. Рядом с ней сидела миниатюрная, худенькая дама. И наблюдающий внимательный взор часто ловила я и на себе. Она была некрасива, немолода, видимо, больна, но что-то значительное чувствовалось в ней. Не расслышав ее фамилии, я спросила, выйдя вместе с Ольгой Дмитриевной, о фамилии той.

— Да это «Блокина мать». Только она не любит, когда ее так зовут. Ну да,

Стр. 21.

мать поэта Блока, большая умница.

Иногда мы сживали и в кабинете Поликсыны Сергеевны. На диване, в подушках сидел плюшевый медведь и красивая кукла, и каким-то материнским жестом Пол[иксена] Серг[еевна] касалась мимоходом их голов.

Разговоры шли преимущественно о детской литературе, о необходимости строгого разбора ее. Мало сочувствия вызвало «Задуманное слово», но вообще их суждения были осторожны и сдержанны.

В то время только что появилась моя книжка «Как жила Тася», изданная Сытиным. Мне довелось слышать много похвал ей, но тут, хоть и было одобрение, но Пол[иксена] Серг[еевна] выразилась, что «все-таки много воды, хорошо бы поменьше». Помню, что внимательно потом просматривала свою книжечку, ища — где же вода? Но мне необходимой казалась всякая строчка. Впрочем, когда готов был мой сборник для детей школьного возраста «Маленькие люди», книгоиздательство «Тропинки» предложило

Стр. 22.

мне издать его.

К тому времени развилось мое сотрудничество и в других журналах для детей. «Родник» со своим филиалом «Солнышко», издаваемый Н. А. и Т. А. Альмединген, тоже охотно открыл мне свои двери и также безотказно печатал все, направляемое туда. «Всходы» Н. Н. Морева радушно брали, даже не читая, все, что мне случилось принести им.

Не оставляла я и литературы для взрослых. В 1911 г. шла в «Русской мысли» моя большая повесть «Вечное», в «Северных записках» — «Краски жизни», «Штрихи», «У лазаретных коек». Многократно печатала я также в еженедельниках мелкие рассказы.

Один рассказ имел довольно забавные последствия. Говорилось там про молодую мать, очень нуждающуюся, у которой заболел маленький сынишка. Денег взять негде, и она с тоской и колебанием несет в ломбард заповедную вещь. Ребенок больной,

Стр. 23.

в кроватке, трогательно ждет ее. И вдруг я получила письмо с подписью и адресом неизвестного лица, где он говорит, что рассказ этот не может быть выдуман, что его жизненность бьет в глаза и что он хочет помочь этой молодой женщине, что невозможно ее оставить без участия. Я была польщена, но известила его, что эта женщина, к сожалению, придумана.

Но слишком легок был мой литературный путь, и вряд ли было это мне полезно. И раз только наткнулась я на серьезное критическое отношение, и это было в той же, любезной мне редакции «Тропинки». У меня наготове была большая повесть для взрослых. Прежде чем отправлять ее в редакцию, я захотела доставить себе

удовольствие почесть ее в редакции «Тропинки». Там охотно согласились послушать ее, пришла также и мать Блока.

Несколько избалованная, я и тут ожидала похвалы. Но по мере развертывания фабулы я интуитивно начала чувствовать, что мои

Стр. 24.

далеко не в восторге. Наконец, я кончила и робко посмотрела на Поликсену Сергеевну. Она сидела, задумавшись, и молчала.

— Ну что же, — начала она, наконец, — если вы снесете эту вещь в редакцию, ее напечатают: интересно и язык хороший, но зачем она, собственно, написана? Что вы хотели ей сказать?

— Так! Случай из жизни, — растеряно ответила я.

— Писатель берет на себя ответственность за тему. Тема не должна быть случайна. Ей высказывает он свои взгляды и убеждения. А ведь тут вы даже ни к чему не приходите. Даже не видно, как вы относитесь к тому, что происходит.

Александра Андреевна (мать Блока), которая давно нетерпеливо двигалась на месте и постукивала сухенькой своей ручкой по столу, тут не выдержала:

— Та же история, что в «Вечном»! — сердито заговорила она, — Так же навязали, навязали вопросов, и ни один не разрешили. Так и болтаются все тесемки! Все брошено... К чему? Зачем? Я слишком люблю литературу, чтоб позволить такое отношение к ней. Это неряшливо!

— И потом вот еще что я скажу, — вступила

Стр. 25.

снова Поликсена Сергеевна мягко и серьезно, — Вы можете изображать, что угодно, всякую грязь, но надо, чтобы чувствовалось, что у писателя одежда-то белая. А у вас... в этой вещи... пожалуй, не всегда, — тихо кончила она, потупясь.

Соглашаясь с ней безусловно в принципе, я не уверена, что моя «одежда» была запятнана. Сюжет двойной, идет две интриги. Главную героиню, хорошую, серьезную, немолодую уже девушку, судьба сводит с пустыньким, хорошеньким мальчишкой, которого мать, подруга юности, присылает в Петербург поступать в университет. Героине моей приходится поместить его у себя. Юнец, привыкший к успехам, начинает кокетничать с ней и, неожиданно для себя, она влюбляется в него, жестоко страдая и стыдясь своего чувства.

Теперь эта тема была бы абсурдна, но и в то время я не знаю, где Поликсена Сергеевна заподозрила известную неопрятность? Да

и не в этом дело. Важно то, что она вообще указала мне на задачи писателя, о которых я как-то не очень задумывалась. Я писала,

Стр. 26.

вроде как птицы поют, о том, что хотелось в данную минуту, что западало в душу. Все-таки в моем писательстве не хватало обдуманности. Это не относится к детской литературе, в которой я интуитивно чувствовала, что надо сказать детям, и могу прямо сказать, что дети-читатели были всегда моими друзьями.

На этот раз Поликсена Сергеевна подробно разобрала мою повесть, хваля и порицая. Александра Андреевна пламенно вторила ей, но в противоположность мягкой сдержанности Поликсены Сергеевны все время подыскивала ядовитые словечки. Она, словно оса, кружила вокруг меня, отыскивая более уязвимое местечко. Наталья Ивановна не вступала в дискуссию и, склонив свою красивую голову, спокойно попивала чай, чуть иронически поглядывая на нас.

— Что? попало, милая, — казалось, говорили ее глаза.

Очень сильное впечатление оставило на меня все это происшествие. Ведь первый раз за все время услышала я суд, и суд добро-

Стр. 27

желательный и серьезный. Ведь гораздо бы проще было отмахнуться от меня, отделавшись банальной похвалой. Но высокий облик Поликсены Сергеевны остался верен себе, и то, что она давала, было полноценно и подлинно. В сущности людям, среди которых я жила, было далеко писательское дело, и помощи от них я не имела никакой и работала просто за свой страх и риск. Тем более с благодарностью вспоминаю я настоящую дружескую услугу Поликсены Сергеевны. И если бы раньше началось наше общение, вероятно, оно помогло бы мне стать большей величиной, чем я осталась.

Повесть моя так низко пала для меня, что я, вернувшись домой, положила ее в нижний ящик стола, где она и лежит по сию пору.

Детские вещи по-прежнему не давали мне угрызений совести и давались мне очень легко. Вышел еще один мой сборник для маленьких детей «Мирные страницы»; сотрудничество в детских журналах продолжалось.

Стр. 28.

Понемногу сблизилась мы с Александрой Андреевной, которая с таким ожесточением нападала на меня. Мои детские вещи принимала она мягче, но вообще две причины повлияли на наше сближение. Глубокое ее знание литературы и страстная любовь к ней. Все ее суждения были остры и своеобразны. Случалось, несколькими словами вскрывала она незамеченную раньше сущность вещи.

Я чувствовала, что учусь около нее. Все люди литературы, близкие с ее сыном, очень уважали ее. И еще сближало нас материнство. Она — мать и друг своего сына, и я тоже мать нескольких взрослых детей, и моя близость с ними. Находились темы, глубоко созвучные, рождавшие хорошую теплоту отношений. И всегда как-то празднична, необыкновенна была встреча с ее сыном. Я не встречала человека, более обаятельного. Я не буду касаться его как поэта, но тот Саша, Сашура, который входил к матери, когда мы уютно сидели за самоваром, всегда рождал...

Примечания

- ¹ Кружок, или студия, детских писателей был организован в 1922 г. при Показательной библиотеке совместными усилиями О. И. Капицы и С. Я. Маршака.
- ² Рецензии, как и сами рукописные воспоминания М. Л. Толмачевой, хранятся в отделе особо ценных документов и продвижения чтения Фундаментальной библиотеки РГПУ им. А. И. Герцена и доступны для исследования всем заинтересованным лицам.
- ³ Мария Андреевна Бекетова долгое время состояла секретарем Библиотечной комиссии Общества содействия дошкольного воспитания. Большинство рукописных протоколов заседания Библиотечной комиссии, сохранившихся в архиве Показательной библиотеки, подписаны ее именем. Почерк отзыва такой же.
- ⁴ Зачеркнуто, исправлено на «поправилась».

Литература

Источники

Бекетова 1925 — Бекетова М. А. Ал. Блок и его мать: воспоминания и заметки. Л.; М.: Петроград, 1925.

Капица 1923 — Капица О. И. Предисловие // Толмачева М. Л. Как Вася жил один в Петрограде: рассказ для детей. М.; Петроград, 1923. С. 3–4.

Систематический указатель 1915 — Систематический указатель книг для детей и юношества. Ч. I: Сказки: сказки народные, произведения народной словесности, былины, легенды, предания, сказания, сказки разных авторов / под ред. О. И. Капицы. Петроград, 1915. (Подвижной музей учебных пособий при Постоянной комиссии по техническому образованию И. Р. Т. О. Литературно-издательский отдел).

Исследования

Писательницы России — Писательницы России: материалы для биобиблиографического словаря: [электронное издание] / сост. Ю. А. Горбунов. URL: <http://book.uraic.ru/elib/authors/gorbunov/sl-18.htm>.

Профессора 2002 — Профессора Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена в XX веке: биографический справочник. 2-е изд. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2002.

Селиванова 2019 — Селиванова О. В. Личное собрание Ольги Иеронимовны Капицы в фундаментальной библиотеке РГПУ им. А. И. Герцена // Личные библиотеки в составе фондов российских книгохранилищ: проблемы изучения. Вып. 2: Материалы научно-методического семинара, 16 — 17 октября 2018 г. СПб.: РНБ, 2019. С. 181–188.

Селиванова 2023 — Селиванова О. В. «Кружку мудрых пеликанов...»: дарственные надписи на книгах из фонда Показательной библиотеки по детскому чтению // Личные библиотеки в составе фондов российских книгохранилищ: проблемы изучения. Вып. 4: Материалы Четвертого научно-методического семинара, 11 — 13 октября 2022 г. СПб.: РНБ, 2023. С. 132–140.

References

Pisatel'nicy Rossii — Gorbunov, Yu. A. (Ed.). *Pisatel'nicy Rossii: materialy dlya biobibliograficheskogo slovarya* (electronic edition) [Writers of Russia: materials for a bio-bibliographic dictionary]. Retrieved from: <http://book.uraic.ru/elib/authors/gorbunov/sl-18.htm>.

Professora 2002 — Professora Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gercena v XX veke: biograficheskij spravocchnik (2002). [Professors of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen in the XX century: a biographical reference]. St. Petersburg: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena.

Selivanova 2019 — Selivanova, O. V. (2019). *Lichnoe sobranie Ol'gi Ieronimovny Kapicy v fundamental'noj biblioteke RGPU im. A. I. Gercena* [The personal collection of Olga Hieronymovna Kapitsa in the Fundamental library of the Herzen State Pedagogical University]. In *Lichnye biblioteki v sostave fondov rossijskih knigohranilishch: problemy izucheniya*. [Personal libraries as part of the collections of Russian book depositories: problems of study] (Vol. 2; pp. 181–188). St. Petersburg: RNB.

Selivanova 2023 — Selivanova, O. V. (2023). “Kruzhku mudryh pelikanov...”: darstvennye nadpisi na knigah iz fonda Pokazatel'noj biblioteki po detskomu chteniyu [“A circle of wise pelicans...”: gift inscriptions on books from the fund of the Indicative Library for Children's Reading]. In *Lichnye biblioteki v sostave*

fondov rossijskikh knigohranilishch: problemy izucheniya [Personal libraries as part of the collections of Russian book depositories: problems of study] (Vol. 4; pp. 132–140). St. Petersburg: RNB.

Olga Selivanova

State Institute of Economics, Finance, Law and Technology; ORCID:
0000-0001-8349-3426

MARIA LVOVNA TOLMACHEVA: UNKNOWN PAGES

The memoirs of Maria L. Tolmacheva (1867–1942) proposed for publication have been preserved in the archive of the Indicative Library for Children’s Reading and have not appeared in the field of view of the scientific community until this moment. The manuscript is a valuable historical and biographical material, containing interesting facts from the childhood of the writer herself, describing her childhood reading circle and her first experience of writing, revealing unknown characteristics of some representatives of the literary life of St. Petersburg in the 1910s. The introduction of such materials into scientific circulation allows, on the one hand, to replenish the bibliography of popular writers in the past, on the other — to immerse oneself in the author’s self-reflection on creativity, to learn about his perception of critical remarks, to find out the position of critics of children’s literature, to get an idea of the writer’s responsibility, to immerse oneself in the atmosphere of “editorial Wednesdays” of the popular children’s magazine “Tropinka” at that time. In the memoirs of Maria Tolmacheva, there are living portraits of Blok’s mother, Polyxena Solovyova-Allegro, Natalia Manaseina.

Keywords: Maria Tolmacheva, Olga Kapitsa, Polyxena Solovyova-Allegro, Natalia Manaseina, Alexandra Kublitskaya-Piottukh, children’s literature, children’s reading, children’s writer, children’s periodicals, Tropinka magazine, criticism of children’s literature